

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!

А. С. Пушкин

ПРОЛОГ

Италия. Наши дни.

Они шли гуськом друг за другом. В какой-то момент казалось, что эта процессия будет идти бесконечно долго. Но нет, услышав легкий звук, похожий на дребезжание далекого колокольчика, все остановились. В темноте никто не видел друг друга: лица были скрыты масками. При этом — самыми разнообразными: доктора Чумы, Коломбины, Арлекина, ведьмы с длинными черными волосами, привидения — белое лицо со впадинами для глаз, под которыми — темные круги.

Они были на улице в большом парке, который тянулся от ворот замка до освещенного входа. Сейчас все сгрудились около фонтана: струи воды то устремлялись вверх, то опадали вниз.

— Все здесь? — Голос, который принадлежал высокому мужчине в маске средневекового монаха, был глубоким и звучным.

— Похоже, да, — откликнулся другой, пониже ростом.

— Это хорошо. Вы знаете, зачем мы собрались здесь?

Невнятный гул голосов был ответом.

— Придется пояснить...

По толпе как будто прошел тихий ветер, и все, как по команде, замолкли. Журчание фонтана послышалось сильнее. Теперь он звучал как музыка.

Она подумала, что сколько ни была на этих собраниях — в первый раз голос предводителя был таким торжественным. Видимо, он и впрямь собирается сказать нечто важное.

Хотелось пить, и она провела языком по губам. Стоящий рядом мужчина невольно покоился на нее. На секунду женщине стало смешно. Она отступила ближе к кипарисам и еле слышно вздохнула.

Вечер, уже перешедший в ночь, был изумительным. Обволакивающее нежное тепло, звезды, запах цветущих трав и деревьев, которые нагрелись за день... «Как хорошо», — подумала она.

— Все ли здесь? — спросил мужчина.

— Вроде да, — голос ответившего был звонким и молодым.

Невольно она усмехнулась. Молодой человек всего не понимает, и ему еще предстоит многому научиться. Но придет время, и он все узнает, если, конечно, окажется способным учеником. Но глупые или несообразительные люди обычно отсеивались сразу... Другие не прибывались к ним. Селекция была жесточайшей. Она подумала, что люди даже не подозревают, насколько тщательный отбор они должны пройти, чтобы

быть принятыми в это общество, закрытое для всех. «Негоден». Отбраковка «материала» идет давно, но не все догадываются об этом.

И такая постановка дела — единственно верная и правильная. Нельзя знать много и сразу. Знание — тоже ослепляет и приводит в недоумение. У людей обычно возникает вопрос: как? Это возможно или нет? А потом они начинают задавать другие вопросы, и их система взглядов постепенно приходит в *иной* порядок. Они начинают понимать, что по-другому быть не может. Но до того, как они станут понимать, проходит время, и у них меняется ракурс, точка зрения. У кого-то это происходит быстрее, у кого-то — медленнее.

И еще она подумала, что поставка картин немного задерживается. Надо бы понять — в чем дело...

— Тогда приступим? — Ей показалось, что председатель смотрит прямо на нее: женщина подобралась и сосредоточилась. — Вы знаете, что я хотел бы начать с хороших новостей, но их пока нет.

Разговор шел на английском языке, хотя состав присутствующих был разнороден. Здесь присутствовали представители всех национальностей: русские, англичане, итальянцы, французы, поляки, чехи...

— Наоборот, я хотел бы предостеречь от излишнего оптимизма... Он здесь абсолютно

неуместен. Нужно готовиться к худшим временам. — Теперь в его голосе звучала едва уловимая тревога.

И она передалась женщине. Она прекрасно знала, что зря этот человек панику сеять не станет. Он никогда не говорил слов попусту или просто так. У него все было точно выверено и рассчитано. И то, что сейчас он отрицал оптимизм, говорило о многом. И прежде всего о том, что в мире действительно что-то уже происходило, но главные изменения ждали впереди. Она и сама это ощущала...

— Перед нами стоит задача: сконцентрироваться на дальнейшем развитии нашего Дела. Это требует хладнокровных мозгов и очищения всего организма. Если один из органов начинает гнить или разлагаться, то возникает угроза всем нам.

Его глаза в прорезях маски ярко сверкали в свете фонаря, горящего неподалеку.

— Только внимание и преданность нашим идеалам способны вывести нас всех к новому этапу, поднять к свету, о котором мы так много говорим.

При этих словах он воздел руки вверх, призывая к особому вниманию к своим словам.

Женщина подобралась. Она понимала, что скоро грянут изменения, и весьма серьезные...

Через десять минут все закончилось... Теперь они должны будут пойти в замок и продолжить

общение. Но самое главное было уже сказано. Здесь.

Когда она шла по тропинке между деревьями, ее окликнули.

Председатель слегка тронул ее за локоть.

— Я хотел сказать, — неожиданно голос стал хриплым. — Почему бы тебе не нарисовать все это?

— Что именно?

— Наше сегодняшнее собрание. Для истории. Фонтан, кипарисы, людей...

— Ты хочешь этого? — Она сделала ударение на слове «ты».

— Я предлагаю...

— Спасибо... Ведь есть время для размышления.

— Боюсь, что времени уже почти нет.

— Поняла. Но справлюсь ли я с поставленной задачей?

— Боже мой! В чем вопрос... Рисовал даже Черчилль подобные пейзажи, — сказал он, понизив голос. — Ну ты помнишь их? Особенно эту — с двенадцатью кустами и скульптурой?

— Конечно...

— Ну вот. — В голосе послышался смешок.

— Ты думаешь... — протянула она.

— Я знаю, — перебил он ее. — Просто знаю. Времена грядут тяжелые. Нам нужно обновление...

Она посерьезнела. Теперь она поняла до конца смысл сказанного. Предстоит большая охота.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДАМА ИСЧЕЗАЕТ В ПОЛДЕНЬ

*Всякая тайна стоит ровно столько, сколько тот,
от кого мы ее скрываем.*

Карлос Руис Сафон

МОСКВА. НАШИ ДНИ.

Анна посмотрела на календарь. Сегодня 20 октября. День как день, ничем не выделяющийся среди остальных. Но сегодня у нее было какое-то дело? Или нет... На работе наблюдался легкий застой, что немного обескураживало. Все-таки она привыкла, что вал работы накрывает с головой. Это помогало не думать о собственных проблемах. В том числе и в личной жизни. С одним бойфрендом она рассталась, другим пока не обзавелась... Правда, в старину говорили не «бойфренд», а «сердечный друг». Так было вернее. Она откинула одеяло и спустила ноги на пол. А если твое сердце не занято, то в нем воцаряется холод и пустота.

На работу нужно к трем. Можно не спеша позавтракать и просмотреть новости...

Анна Рыжикова работала в историко-консультационном центре «Клио», где было всего двое сотрудников — она и ее босс, Василий Курочкин. Фирма занималась самыми разнообразными делами: от консультаций по истории до сложных расследований, связанных с семейными историями, уходящими в глубину веков. От заказов они старались не отказываться, понимая, что сегодня клиенты могут идти бесперебойно, а завтра — наступит тишина. Зазвонил мобильный.

— Алло! Анна?

— Ну да. Я! — пробормотала она.

— Это ваш сосед сверху... Матвей...

— А... привет!

Когда-то, кажется, в другой жизни она познакомилась с ним, когда распутывала одно дело, связанное с поэтом Николаем Гумилевым¹. У него еще завязался роман с Ритой Мазен, однокурсницей клиентки, которая обратилась к ним в «Клио». Рита тогда приехала из Израиля... Сейчас у них дело вроде шло к свадьбе... Во всяком случае теперь Матвей жил на две страны: Россию и Израиль. И часто возил с собой коша с чудным именем Пафнутий.

— Как дела?

— Слушай, — перебил он ее, — я к тебе по делу. Можешь подняться ко мне?

---

¹ Подробнее об этом в романе Екатерины Барсовой «Заветный ковчег Гумилева».

— Могу! Только не сейчас. Минут через десять-пятнадцать.

— Идет! Жду.

Когда Анна поднялась наверх, Матвей сразу распахнул дверь, словно ждал ее.

— Проходи на кухню.

Навстречу гостье выплыл Пафнутий и застыл.

— Хороший мой! — заворковала она. — Матвей.

Но Матвей, нахмурившись, как-то странно мотнул головой, говоря тем самым, что сейчас не до любезностей, есть дела и проблемы поважнее, чем ворковать с котом. Анна посерьезнела и пошла на кухню. Там сидели Ритка и незнакомая ей молодая женщина, которая постоянно всхлипывала и пила виски или коньяк, обхватив стакан руками.

— Не плачь! Саш. Сейчас тебе помогут.

Рита придвинула Анне табуретку:

— Садись!

— Да что тут происходит? В чем помогать надо?

— Сейчас все объясним. Есть будешь? Матвей только что пирог с курицей приготовил.

— Ну если пирог... — Матвей действительно потрясаяще готовил. Он остался без родителей, долгое время жил один, не считая кота Пафнутия, и научился классно готовить. Про-

сто пальчики оближешь. Кот материализовался возле нее и потерся о ногу. Анна нагнулась и погладила его.

— Ешь.

Перед Анной появилась тарелка с пирогом, который источал потрясающий аромат. Справа возникла чашка кофе.

— Саш, ты как? Сможешь говорить? Давай я расскажу. Не возражаешь? — обратилась Рита к незнакомой женщине.

Плачущая Саша часто-часто закивала головой. Рита выдохнула и обратилась к Матвею:

— Мне тоже кофе, и покрепче.

Сделав пару глотков, Рита посмотрела в окно, собираясь с мыслями.

— Во-первых, как я понимаю, нужно представить Сашу. Это Александра Шалинская, владелица арт-галереи «Фиолетовое небо».

Услышав название, Анна даже не удивилась. Современные галереи изощрялись в оригинальности, в том числе и названий. Это было не лучше и не хуже других.

— Александра в течение последних месяцев готовила одну очень интересную экспозицию — «Выстрел в прошлое». Эта выставка объединяет несколько видов искусств. Прости, — с чувством сказала Рита. — Нам придется ввести тебя немного в курс современного искусства.